

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
539
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Т о м X V I I I

Экспресс-выпуск • Express-issue

2009 № 539

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 2343-2352 Памяти Сергея Александровича Бутурлина
(1872-1938). Г. П. ДЕМЕНТЬЕВ
- 2352-2360 Изменчивость ареалов птиц.
Л. А. ПОРТЕНКО
- 2361 О находках новых видов синиц в южных
Кызылкумах (территория экоцентра
«Джейран»). М. Г. МИТРОПОЛЬСКИЙ,
Н. В. СОЛДАТОВА
- 2362-2363 О зимней авифауне Восточного Памира.
Л. С. СТЕПАНЯН
- 2363 Залёты серой вороны *Corvus cornix*
в Приангарье. Ю. И. МЕЛЬНИКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVIII
Express-issue

2009 № 539

CONTENTS

- 2343-2352 Memory of Sergey Alexandrovich Buturlin
(1872-1938). G. P. D E M E N T Y E V
- 2279-2287 Changes of bird species ranges.
L. A. P O R T E N K O
- 2361 New tit species from southern Kyzyk Kum
(ecocentre «Dzheyran» territory).
M. G. M I T R O P O L S K Y ,
N. V. S O L D A T O V A
- 2362-2363 On winter avifauna of Eastern Pamir.
L. S. S T E P A N Y A N
- 2363 Vagrant *Corvus cornix* in Pribaikalia.
Y u . I . M E L ' N I K O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Памяти Сергея Александровича Бутурлина (1872–1938)

Г.П.Дементьев

*Второе издание. Первая публикация в 1938**

В ночь на 22 января 1938 года после непродолжительной болезни, почти внезапно, скончался Сергей Александрович Бутурлин.

Советская наука в течение немногих лет после смерти П.П.Сушкина и М.А.Мензбира теряет в лице его третьего крупнейшего орнитолога старшего поколения. Более того, с С.А.Бутурлиным в прошлое ушёл и последний из тех учёных, работа которых определяла развитие у нас орнитологии в начале двадцатого столетия и подготовила поле для исследований советских орнитологов и развития орнитологии в послереволюционные годы. Деятельность С.А.Бутурлина не прекращалась до самого последнего времени, так что он являлся живым связующим звеном между старшим, средним и младшим поколением наших орнитологов.

Жизненный путь Сергея Александровича как учёного был не вполне обычен. Бутурлин-зоолог начал формироваться еще с юношеских лет, даже с детского возраста. Охотиться он начал, кажется, в возрасте восьми лет. Богатая природа родных мест – в молодости своей он много времени проводил в бывшем Кортунском уезде Симбирской губернии, где в бассейне реки Суры и прилегающих обширных приурских лесах в изобилии водились всякие птицы и звери – способствовала развитию научной любознательности молодого охотника. Учился С.А.Бутурлин в Симбирской гимназии и ещё на школьной скамье приступил к собиранию зоологических материалов и к изучению животного мира среднего Поволжья. Однако по тем или иным причинам Сергей Александрович не пошёл на естественное отделение физико-математического факультета. Высшее образование он получил юридическое. Казалось бы, что дальнейшая деятельность С.А.Бутурлина должна идти вдалеке от научной работы. На самом же деле С.А.Бутурлин, не занимая никакого официального положения в академических кругах, да и не стремясь к этому, уже в начале текущего века, будучи сравнительно молодым человеком – в возрасте около 30 лет, занял выдающееся место среди наших естествоиспытателей. Кроме замечательной одарённости Сергея Александровича и его широкой эрудиции, этому результату он обязан своей совершенно исключи-

* Дементьев Г.П. 1938. Памяти Сергея Александровича Бутурлина // *Зоол. журн.* 17, 6: 963-975.

тельной работоспособности. За исключением самого непродолжительного времени, необходимого для отдыха, он работал буквально весь день с утра до поздней ночи; такой распорядок дневных занятий оставался у него неизменным. Вспоминается характерный разговор. Около шести лет назад, когда автору этих строк приходилось часто видеться с Сергеем Александровичем по поводу одной задуманной совместной работы, ему доводилось слышать от Сергея Александровича приглашение «заходить когда угодно, хоть в час ночи». И такое несколько необычное приглашение не было ни фразой, ни шуткой. Каждый, знавший С.А.Бутурлина более или менее хорошо, мог видеть, что лампа на рабочем столе Сергея Александровича горела далеко за полночь. Вместе с тем каждый, обращавшийся к Бутурлину за советом или помощью, мог быть уверенным в получении просимого без отказа и без задержки. Отзывчивость и предупредительность Сергея Александровича были так неисчерпаемы, что он никогда не давал кому-либо из своих многочисленных посетителей почувствовать, что удовлетворение их просьб отнимает у него время или вызывает известные затруднения. Многие, быть может, поэтому не понимали, что время Сергея Александровича было занято, как говорится, доотказа. Кроме того, это свойство Бутурлина несомненно способствовало тому, что он пользовался такими большими симпатиями, уважением и популярностью среди широких кругов любителей природы и охотников. Это же способствовало сосредоточению в руках Бутурлина массы всякого рода интересных фактов и наблюдений, сообщаемых ему его многочисленными корреспондентами (таким образом, например, в научную литературу впервые проникли сведения, собранные В.Е.Ушаковым, о гнездовой области редкого кулика – азиатского бекасовидного веретенника).

Указанные здесь особые черты работы Сергея Александровича в значительной мере связываются с тем, что деятельность его во всех отраслях тесно была связана с запросами и требованиями практической жизни. Такое тесное и гармоническое сочетание больших теоретических вопросов и высокого научного уровня, с одной стороны, и учёта практических нужд, с другой – было характерной чертой работы С.А.Бутурлина.

Официальная деятельность С.А.Бутурлина с 1897 по 1918 год протекала в должности мирового судьи, с 1918 года он начал работать в различных советских учреждениях, в частности, в органах Народного комиссариата земледелия, где он много сделал для организации у нас рационального охотничьего хозяйства, и в Комитете Севера при ВЦИК, откуда он в 1930 году ушёл на пенсию в связи с заболеванием туберкулёзом, поразившим у него почку и позвоночник. Хотя позднее, с 1933 года, здоровье Сергея Александровича значительно улучши-

лось, он всё же с этого времени стал заниматься только научной, общественной и литературной деятельностью. Круг работ его был крайне обширным: он был членом редакций и научных советов многих издательств, ведающих вопросами охоты и охотничьего промысла, входил в состав руководящих органов охотничьих организаций, постоянно консультировал Народный комиссариат земледелия по охотничьим вопросам, был членом и Председателем многих комиссий по выработке улучшенных и новых типов охотничьего оружия, членом Комитета по заповедникам при президиуме ВЦИК, членом совета Всероссийского общества охраны природы и т.д.

Несмотря на многосторонние обязанности, научная деятельность Сергея Александровича была не только глубока и содержательна, но и разнообразна. Он справедливо считался лучшим в нашей стране знатоком охотничьего дела и одним из основоположников охотоведения в качестве прикладной научной дисциплины. Этому способствовало то, что Сергей Александрович сам был не только блестящим полевым натуралистом, но и замечательным охотником. Охотничий опыт позволял Бутурлину максимально использовать все свои поездки и экскурсии для сбора зоологического материала и, например, за годовое колымское путешествие он при помощи своего препаратора А.К.Цельмина и с некоторым участием спутников по поездке собрал более 2000 птиц. Поездки на север помогли Сергею Александровичу ознакомиться и изучить в деталях охотничий промысел. На основании своего опыта Сергей Александрович много содействовал разработке отдельных вопросов охотоведения: биологических его основ, технической, экономической и правовой стороны. Не касаясь в подробностях многочисленных трудов Сергея Александровича по охотоведению, укажем лишь, что он в начале текущего столетия выступил с критикой как с биологической, так и с хозяйственной точки зрения действовавшего с 1892 года закона об охоте, а затем в целом ряде статей и докладов разработал ряд проектов относительно правил и сроков охоты. Сергей Александрович опубликовал обширный критический разбор выработанного в начале столетия особой правительственной комиссией проекта нового закона об охоте, отражавшего интересы лишь охотников-спортсменов и совсем не учитывавшего нужды промысловиков. Очень большое значение для критики этого проекта и для улучшения охотничьего дела имели доклады Бутурлина на состоявшемся в 1910 году в Москве Всероссийском съезде охотников. Провести в жизнь предложенные в его докладах принципы удалось только после Октябрьской революции, когда они нашли свое отражение в резолюциях 2-го съезда Всекохотсоюза в 1921 году и были утверждены Президиумом ВЦИК в 1922 году. Активное участие Сергей Александрович принимал и в выработке нового закона по охотничьему делу – Положения

об охоте в РСФСР, утверждённого в 1930 году. В дальнейшем он продолжал проявлять самый живой интерес к улучшению охотничьего дела в нашей стране. Сотрудничая в охотничьих журналах и издательствах, Бутурлин много способствовал ограничению весенней охоты, рационализации сроков и способов охотничьего промысла, наконец, широко знакомил охотников с биологическими вопросами, имеющими отношение к охоте. Сергей Александрович много работал в области изучения и усовершенствования различных видов охотничьего оружия, в области стрелкового дела и являлся автором ряда получивших широкое распространение книг по этим вопросам, в частности, обширной двухтомной монографии о стрельбе пулей (1912-1913) и выдержавшей семь изданий книги «Дробовое охотничье ружьё и стрельба из него».

Не касаясь географических работ С.А.Бутурлина, перейдём к его деятельности в качестве зоолога. Как зоолог, Сергей Александрович интересовался главным образом птицами и заслуженно пользовался мировой репутацией в качестве орнитолога. Впрочем он превосходно знал и охотничьих и промысловых млекопитающих, опубликовав, в частности, в 1913 году весьма содержательные наблюдения над млекопитающими, сделанными во время Колымской экспедиции 1905 года, а в 1934 – популярную монографию лосей. Орнитологические сборы и наблюдения Бутурлин начал в середине 1880-х годов в среднем Поволжье, с середины 1890-х и до 1917 года производил их в Прибалтике, в 1919-1920 годах – опять в Поволжье. Кроме таких постоянных и систематических сборов, он совершил ряд экспедиций в различные районы, главным образом на север. В 1900 году он совместно с Б.М. Житковым ездил в бывшую Архангельскую губернию, на остров Колгуев и на Новую Землю. В результате этого путешествия Бутурлин опубликовал в журнале «Землеведение» большую работу с подробным описанием авифауны. В 1902 году Сергей Александрович совершил вторичную поездку на Колгуев. Такие поездки служили для него прекрасной подготовкой для большой экспедиции на Колыму, совершённой в 1905 году. Эта экспедиция дала чрезвычайно много для познания фауны северо-востока Сибири, и собранные Бутурлиным сведения и коллекции до сих пор являются основным источником для познания географического распространения животных и фауны птиц обширного Колымского края. Результатом этого путешествия, помимо обширных ботанических и этнографических коллекций, энтомологических сборов, была полная коллекция пресноводных рыб, 200 экземпляров млекопитающих, около 500 яиц и до 2000 экземпляров птиц. В это путешествие Сергей Александрович открыл гнездовье розовой чайки, почти столетие остававшееся загадочным, сделал биологические наблюдения над редчайшими формами – очковой гагой, некоторыми куликами, бе-

лошейной гагарой, установил впервые общую картину географического распространения птиц в северо-восточной Сибири (кроме крайних восточных частей) и собрал исключительные по количеству и значению серии различных редких форм. Вообще говоря, едва ли какие-либо из зоологических экспедиций в текущем столетии за небольшое время и при наличии ряда официальных обязанностей у участников поездки (Сергею Александровичу поручено было наладить продовольственное снабжение Колымского края, нарушенное русско-японской войной) принесли бóльшие научные результаты. На основании добытых материалов Сергей Александрович опубликовал большую статью об охотничьих и промысловых птицах низовьев Колымы, дал биологические очерки редких форм, в частности, розовой чайки, выяснил состав эндемичных подвидов в северо-восточной Сибири и описал ряд из них впервые, наконец, дал первый зоогеографический очерк распространения птиц в северо-восточной Сибири. Бутурлиным была закончена и сводка по птицам Якутии, но рукопись её, к сожалению, погибла в связи со спешным отъездом его из Везенберга [ныне Раквере – *ред.*] при наступлении германской армии в Прибалтике в 1918 году. Кроме колымского путешествия, С.А.Бутурлин в 1909 году предпринял поездку в Кулундинскую и Приалейскую степь, а в 1925 году ездил по поручению Комитета Севера на Чукотский полуостров. Последней зоологической экскурсией Сергея Александровича была его поездка в 1936 году в Северный край (бывшую Архангельскую губернию), из которой он привёз орнитологические сборы для Зоологического музея Московского университета.

В области орнитологии интересы Сергея Александровича лежали в первую очередь в сфере вопросов систематики и орнитогеографии, а также вопросов изучения биологии птиц. Наравне с П.П.Сушкиным и М.А.Мензбиром он являлся у нас в предвоенные годы наилучшим знатоком птиц восточной Палеарктики. Систематический опыт Бутурлина и его «глаз» были удивительны. В этом ему помогала изумительная память и блестящее знание литературы. В последнем отношении Сергей Александрович, насколько мы знаем, оставался непревзойдённым.

Среди русских орнитологов Сергей Александрович был вместе с покойным Н.А.Зарудным виднейшим из пионеров изучения внутривидовой изменчивости и описания подвидов. Сергей Александрович обработал много групп птиц: куликов, многих чаек, часть сов и хищников, дятлов, поползней, соловьёв, кукушек, щуров, рыжеспинных ласточек, скворцов, соек, гусей-гуменников, фазанов, рябчиков, каменных глухарей и др. Разборы групп он не ограничивал одним изучением географической изменчивости и описанием подвидов, но всегда старался также дать общую характеристику группы и общедоступную

её диагностику в виде определительных таблиц. Всего Бутурлиным было описано 202 новых формы птиц, преимущественно из состава нашей фауны, кроме описания 15 новых родовых или подродовых групп. В качестве конечного итога своих систематических исследований Сергей Александрович стремился дать как бы полную инвентаризацию нашей фауны, полный список птиц нашей страны с описаниями и определительными таблицами. Совершенно ясно громадное значение такой работы. Несмотря на то, что в результате работ М.А. Мензбира, Н.А. Северцова и других орнитологов, фауна птиц России была по сравнению с другими группами животного мира изучена сравнительно удовлетворительно, мы до самого последнего времени не имели книги, в которой хотя бы в сжатой форме содержались описания всех птиц нашей страны. Известная книга «Птицы России», опубликованная в 1895 году М.А. Мензбиром, касалась только фауны Европейской России и Кавказа; остальные работы касались только отдельных районов, да и на карте в отношении изученности авифауны оставалось много «белых пятен». Единственная сводка «Зоография» Палласа была написана в самом начале XIX века и с фактической стороны стала, естественно, неполной. Отсутствие сводной работы по птицам России стало уже в первом десятилетии текущего века существенным тормозом для развития орнитологии, так как специалистам приходилось пользоваться или разбросанными по десяткам изданий сведениями, или иностранными сводками, а неспециалисты и любители лишены были, конечно, и такой возможности. Предпринятое в 1911 году Академией наук издание «Фауна России и сопредельных стран» в 1916 году остановилось на третьем выпуске и не пошло по тем или иным причинам далее описания нескольких десятков видов.

Понимая всю важность поставленной задачи, С.А. Бутурлин подходил к её разрешению исподволь, опубликовав в 1901 году свой известный обзор охотничье-промысловых птиц, а затем, обрабатывая отдельные группы, готовил уже полный определитель. К 1917 году рукопись его была закончена, но затем вместе со многими другими более или менее законченными работами и с главной частью библиотеки Сергея Александровича она погибла при захвате Эстонии немецкими войсками. Таким образом, погиб плод почти двадцатипятилетней работы С.А. Бутурлина.

Сознавая необходимость издания такой сводки, он, однако, вновь принялся за её составление, исходя из того, что она «является современно необходимой как для разумной постановки охотничьего хозяйства, так и для многочисленных наших лесных и сельскохозяйственных деятелей, охотников, студентов и всех любителей природы вообще». Пробный выпуск нового определителя был выпущен Сергеем Александровичем в 1928 году. Однако вскоре туберкулёзный процесс,

серьёзно развившийся или обострившийся, замедлил, а затем и приостановил продолжение этой работы. Впрочем Сергей Александрович вновь принялся за неё, когда я, получив предложение одного из московских издательств составить руководство для определения птиц СССР, предложил ему объединить эту работу вместе с намечаемой им, с тем чтобы мной были для нее обработаны воробьиные, хищники и совы, а им – остальные группы. Сергей Александрович, несмотря на болезнь, охотно принял это предложение и вновь принялся за определитель; с таким разделением труда работа пошла быстро, и книга вышла в свет в 1934-1937 годах. В нём Сергеем Александровичем написаны первый и второй тома, содержащие в себе описание промысловых и охотничьих птиц, и часть третьего тома, содержащая описание трубконосых, дятлов, козодоев, ракш, удонов, кукушек и стрижей. Своевременность и значение этой работы Сергея Александровича подтверждаются хотя бы тем, что в связи с её появлением он получил буквально сотни писем от охотников, зоологов и краеведов из самых различных углов нашей страны; такой живой отклик доставил автору заслуженное и глубокое удовлетворение.

Для своих систематических работ Сергей Александрович использовал, кроме собранных им лично громадных материалов и обширных поступлений от сети своих корреспондентов, также и материалы различных центральных и местных музеев. Он обрабатывал частично, по отдельным группам или сборам, или полностью материалы музеев Академии Наук, Московского университета, Томского, Кавказского, Красноярского, Иркутского, Хабаровского, Владивостокского, Псковского, Якутского, Семипалатинского, Троицкосавского, Петропавловского-на-Камчатке. Такая работа Бутурлина способствовала и улучшению постановки дела в перечисленных здесь провинциальных музеях, так как, во-первых, в большинстве случаев результаты обработки их материалов в том или ином объёме публиковались, а затем они имели надлежащим образом обработанный и определённый материал. Сам Сергей Александрович путём долгой и напряжённой работы собрал чрезвычайно ценную и обширную коллекцию птиц, являющуюся в предвоенные годы одним из основных источников для изучения фауны птиц России. В ней, помимо множества типов описанных Бутурлиным форм, находилось множество редких и мало известных видов, например, розовые чайки и их птенцы, тьяншанские большие пёстрые дятлы, большие серии соколов-сапсанов, очковых гаг, чернобрюхие овсянки, бекасовидные веретенники, малые кроншнепы и т.д. Особенную ценность коллекции Бутурлина составляло то, что большинство видов представлены были в ней большими сериями. Сергею Александровичу и в этой области принадлежит ценная инициатива. Можно добавить, что в 1924 году Сергей Александрович пожертвовал

свою коллекцию (часть её, к сожалению, до передачи погибла при указанных выше обстоятельствах) Зоологическому музею Московского университета, где она и хранится.

Не меньшее значение, чем систематические работы Сергея Александровича в области орнитологии, имели и его фаунистические и зоогеографические исследования. Будучи тесно связанными с систематическими задачами, они вместе с тем всегда были богаты экологическим содержанием. Это можно сказать и о написанной им совместно с Б.М.Житковым книге о птицах бывшей Симбирской губернии, и о его совместной с А.Я.Тугариновым работе по птицам бывшей Енисейской губернии и о других работах. Сергей Александрович, много сделал для изучения перелётов птиц, будучи одним из виднейших инициаторов кольцевания птиц в СССР, опубликовав ряд исследований о направлениях перелётов птиц, о строе перелётных стай, о миграциях полуседлых видов (в частности, им подробно освещено явление миграций у серых куропаток). Им впервые описано гнездование розовой чайки, очковой гаги и других мало известных форм, а также дана превосходная сводка по биологии и географическому распространению куликов. В своих работах С.А.Бутурлин простым и понятным для всякого читателя языком излагал любой, хотя бы и специальный, вопрос, притом отнюдь не впадая в вульгаризацию. Здесь уместно вспомнить, что Сергей Александрович был одним из наиболее замечательных по своему простому, ясному и живому языку писателей среди наших зоологов.

В отношении выяснения распространения птиц главная заслуга Сергея Александровича лежит в области точного выяснения ареалов отдельных форм; немало сделано им и для установления состава фаун отдельных районов. Многие из отдельных результатов таких исследований он опубликовал в виде серии заметок под названием «Интересные находки». Из отдельных районов, для изучения фауны которых он сделал особенно много, следует упомянуть, кроме Поволжья, Колымского края, Приенисейской Сибири, также ещё и Кавказ, остров Колгуев, остров Медный, а главным образом Дальний Восток. Описанию фауны этих частей территории СССР С.А.Бутурлин посвятил ряд больших и содержательных статей и исследований. Сергей Александрович, наконец, являлся инициатором и основным автором проекта большого атласа распространения охотничьих и промысловых зверей и птиц СССР, осуществляемого в настоящее время Военно-охотничьим обществом и Академией наук СССР.

Сотрудничество Сергея Александровича по орнитологическим вопросам в ряде охотничьих изданий (Псовая и ружейная охота, Наша охота, Охотник, Украинский охотник и рыболов, Боец-охотник и др.) значительно способствовало развитию и повышению научных интере-

сов среди охотников и распространению среди них научных сведений. Участие Бутурлина в различных научных изданиях было также очень обширно: его статьи печатались во всех крупнейших зоологических и орнитологических изданиях. Особенно же значительным было его участие в журнале «Орнитологический вестник», объединявшем перед первой мировой войной русскую орнитологию. Помимо десятков оригинальных статей, Сергей Александрович вёл в нём отдел библиографии и принимал весьма активное участие в редактировании журнала. Общий результат деятельности Бутурлина был громаден: около 2000 статей и заметок и несколько десятков книг вышли из под его пера за пятьдесят лет работы, за начало которой он считал 1888 год.

Разносторонняя деятельность Бутурлина получила признание с самых разнообразных сторон. В нашей стране он являлся одним из самых авторитетных и популярных зоологов. Он был действительным и почётным членом многих советских и ряда иностранных учёных обществ, в частности одним из немногих почётных членов Американского орнитологического общества и старейшим иностранным членом Британского орнитологического общества. На состоявшемся в 1910 году Четвёртом международном орнитологическом конгрессе он был избран одним из президентов конгресса, а затем с 1910 по 1913 год состоял членом Международного орнитологического комитета. Многие орнитологи, в частности Н.А.Зарудный, Э.Хартерт, Г.В.Лоудон, В.Б.Баньковский, назвали в честь Сергея Александровича Бутурлина вновь описываемые ими формы. Справедливой оценкой эрудиции и результатов научной деятельности С.А.Бутурлина явилось поэтому присуждение ему учёной степени доктора биологических наук, последовавшее 15 февраля 1936 года.

В небольшой по объёму статье трудно даже в беглых чертах дать всестороннюю оценку многогранной деятельности ушедшего от нас крупнейшего учёного. Сказанное выше всё-таки даёт, быть может, общее представление о том, какой большой вклад в дело изучения и использования естественных богатств нашей страны и в зоологическую науку сделал С.А.Бутурлин.

Всякий, кто имел какое-нибудь личное отношение к Сергею Александровичу, всегда сохранял глубокое впечатление от его личного обаяния. И при первой встрече с ним, и при близком знакомстве основные черты характера Сергея Александровича оставались всегда неизменными. Это были замечательная простота и спокойствие в соединении с искренней отзывчивостью и любезностью. Эти свойства в соединении с тонким чувством юмора придавали особую приятность всякого рода общению с Сергеем Александровичем. Спокойствия и присутствия духа Сергей Александрович не терял ни при каких обстоятельствах. При всём том он не был флегматиком и твёрдо стре-

мился к намеченным целям. Не будет ошибкой сказать, что главным его увлечением являлась научная работа. Ей он отдавал все свои силы и всё своё время. За несколько дней до последней болезни, когда признаки её уже давали себя знать, Сергей Александрович всё же посетил заседание Учёного совета Зоологического музея Московского университета и принял оживлённое участие в обсуждении интересовавшего его доклада о случаях параллелизма индивидуальной и географической изменчивости у птиц. И потом, когда болезнь развивалась и когда врачи предписали Сергею Александровичу полный покой, он всё время порывался работать, говоря, что непривычная бездеятельность для него вреднее всякого утомления. Такая напряжённая работа в течение десятилетий, быть может, ускорила приближение конца жизни С.А.Бутурлина. Но если для своей научной работы Сергей Александрович не жалел своих сил, то зато и результаты его трудов далеко выходят за пределы того, что удаётся обычно сделать учёному*.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 539: 2352-2360

Изменчивость ареалов птиц

Л.А.Портенко

Второе издание. Первая публикация в 1974†

В развитии зоогеографии птицы сыграли первостепенную роль. Очень часто широкие теоретические обобщения строились крупнейшими зоогеографами на основе распространения птиц. При этом авторы исходили из положения о незыблемости ареалов или по крайней мере их относительной стабильности. Другими специалистами в порядке общей предпосылки высказывались сомнения в постоянстве ареалов птиц на том основании, что птицы, обладая способностью полёта, могут легче расселяться через рубежи, непреодолимые для нелетающих животных.

Накопившийся опыт орнитофаунистических исследований показал, что хотя подвижностью птиц как существенным фактором нельзя пренебрегать, однако привязанность птиц к определённым террито-

* Наиболее полную библиографию трудов Сергея Александровича Бутурлина см: Козлова М.М. 2003. Литературное наследие С.А.Бутурлина // *Бутурлинский сборник: Материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти С.А.Бутурлина*. Ульяновск: 49-76.

† Портенко Л.А. 1974. Изменчивость ареалов птиц // *Орнитология* 11: 143-149.

риям не вызывает сомнений. При этом важнейшее значение имеет территория, на которой выводятся птенцы. Они малоподвижны, часто совсем беспомощны и бывают привязаны к месту прочнее всякого другого животного, не владеющего полётом. На начальных стадиях роста, как у большинства других животных, птенцы требуют совсем другую пищу, чем взрослые птицы, и найти этот особый корм и прочие сопутствующие условия для их жизни можно далеко не везде. Именно поэтому гнездовой ареал служит прочной основой для зоогеографических выводов.

Картирование гнездовых ареалов долгое время проводилось схематично, без детального уточнения границ. По этой причине профессор Э.Штреземан (Stresemann, Portenko 1960, 1967) организовал издание «Атласа распространения палеарктических птиц». Опыт работы над ним оказался в разных отношениях поучительным.

Во-первых, отсутствовали данные о распространении птиц на значительных территориях. Во-вторых, во многих случаях нет точных указаний на гнездование, особенно у южных границ ареалов, где на лето задерживаются неполовозрелые особи. В-третьих, выяснилось, что накопившиеся литературные сведения охватывают заметную глубину времени, иногда свыше 100 лет, в течение которых птиц находили там, где их нет теперь, и находят – где их не было прежде.

Эти изменения в составе орнитофауны бросались в глаза каждому, кто вёл наблюдения в течение ряда лет. Чаще регистрируются случаи резкого падения численности и сокращения ареала птиц крупных и редких, вследствие либо прямого истребления их как объектов неумеренной охоты, либо вследствие коренной переделки местности (вырубки лесов, распашки целины, затопления и т.п.). Однако в орнитологической литературе накопилось много сведений об изменении границ распространения видов, на которых деятельность человека влияет в меньшей степени. В некоторых случаях установлены волнообразные колебания границ в зависимости от чередующихся неурожайных лет и благоприятных для размножения, либо под влиянием перемен климата, или просто от погодных условий.

Изменения очертаний ареала могут принимать характер медленного и постепенного общего наступания или отступания. Такие случаи описывались неоднократно. Нам, например, случилось проследить продвижение щурок *Merops apiaster* к северу в Киевской области, где проводились регулярные наблюдения в течение 10 лет (1915-1925). На восточной границе области, вдоль высокого берега Днепра, щурки местами не представляли редкости. В 1924 году добыта серия ниже Ржищева, но только в 1950 году впервые найдены их гнездовые колонии во внутренних частях области, под Стеблевым и Почапинцами, близ Шендеровки.

Остановимся на случаях поступательного продвижения видов птиц на очень большие расстояния. В прошлом столетии среди зоогеографов пользовался известностью пример быстрого расселения дубровника *Nyrocentor aureola* из Зауралья в центральные области России. Литературная сводка об этом расселении содержится в статьях А.Н.Промптова (1934), а также Г.П.Дементьева и Е.С.Птушенко (1940).

Очевидно, эта овсянка издавна расселялась к западу и в прошлом столетии была уже известна под Архангельском, у Онежского озера и в Смоленской губернии, но, вероятно, появлялась в разном количестве. В 1920-х годах она достигла Ботнического залива в Финляндии (Merikallio 1958); в 1960-х дважды была зарегистрирована в Норвегии. В начале июля 1968 года Э.Штресеман (Stresemann 1968) встретил дубровника в северной Норвегии. Дубровник долетал с востока и гнездился под Ленинградом, по Днепру у северной границы Белоруссии и близ Киева, под Новгород-Северском, по Волге вниз до Саратова и Сарпы, достигал Внутренней Монголии. Сам факт расселения не подлежит сомнению, но дубровник достигал крайних пределов в разные годы. Составляя карту для «Atlas...», мы на основании литературных данных, накопившихся за последние 150 лет, сочли возможным провести сплошной линией южную границу этого вида, но вынуждены были вынести за границы ареала отдельные находки на гнездовье, расположенные очень далеко от проведённой сплошной черты.

Сходное непостоянство передовой линии у птиц, наступающих с востока на запад, установлено у нескольких видов. Для примера можно назвать синехвостку *Janthia cyanura*, князька *Cyanistes cyanus*, кулика-дутьша *Heteropygia melanotos* – виды, свойственные разным ландшафтными зонам.

В противоположном направлении, из Европы и Зауралья на восток, расселяется зяблик *Fringilla coelebs*. В конце прошлого столетия, по И.Я.Словцову (1892), зяблик гнездился в Тюменском и Туринском округах, но под Омском встречался только в пролётное время. В 1896 году М.Д.Рузский (1897) отметил зяблика в числе наиболее часто встречающихся видов в берёзовых лесах по пути от Петропавловска к Кокчетаву и наблюдал его в Тюкалинском округе на Иртыше. В 1905 году, по словам Г.Э.Иогансена (1908), зяблик, кажется, впервые был замечен под Томском, а в 1906 году найдено даже гнездо. По мнению Ганса Иогансена (Johansen 1944), с 1915 года численность этих птиц в Западной Сибири внезапно возросла. В июле 1927 года И.А.Долгушин (Хахлов 1937) встретил четырёх поющих самцов у села Киик, на реке Инге, к востоку от Новосибирска, но далее численность этого вида заметно снижалась. В 1944 году, по К.А.Юдину (1952), зяблики появились под Красноярском. В мае 1956 года Е.Е.Сыроечковский и Э.В.Рогачёва (1958) наблюдали поющих самцов в небольшом числе у Комсы,

недалеко от устья Подкаменной Тунгуски. 11-14 июня 1965 поющие самцы вместе с самками были отмечены В.И.Безбородовым (1968) в Тулунском районе Иркутской области.

Перечисленные почти за 100 лет находки свидетельствуют о сравнительно медленном поступательном движении зябликов к востоку от Иртыша и почти до Байкала. Это расселение, несомненно, связано, с одной стороны, с изменением ландшафта под воздействием человека, а с другой – с приобретённой доверчивостью птицы и привыканием уживаться по соседству с людскими поселениями. Увеличение площади гарей и вырубок соответствует тому облику светлых и разреженных лесонасаждений, небольших рощ и парков, какие населяются зябликом в европейской части ареала.

Напомню общеизвестные примеры сравнительно быстрого расселения в западных частях нашей страны и в Западной Европе таких видов, как кольчатая горлица *Streptopelia decaocto*, сирийский дятел *Dendrocopos syriacus*, канареечный вьюрок *Serinus serinus*. Можно привести немало сходных случаев и для других частей СССР, а тем более для других стран.

Замечательный случай точно установлен для дрозда-рябинника *Turdus pilaris*. Будучи широко распространённым в Евразии от Скандинавии до Якутска, он неожиданно появился на гнездовье в Гренландии. В деталях это переселение было описано Ф.Саломонсеном (Salomonsen 1951).

В январе 1937 года стая рябинников была занесена штормом из юго-западной Скандинавии, сначала на остров Ян-Майен, затем в северо-восточную Гренландию, откуда дрозды перелетели на её юго-западную оконечность. До этого случая для Гренландии были известны только единичные залёты в 1925 и 1935 годах. Часть стаи задержалась, и в 1941 году, например, наблюдалась группа из 14 рябинников. В 1942 году один был добыт, а в 1943 и 1944 годах найдены кладки. В 1948 году было установлено гнездование четырёх пар, а по словам жителей, эти птицы у них появились 10-12 лет назад. В 1949 году были найдены гнёзда, кладки, птенцы – словом, рябинники стали обычными обитателями занятых территорий в юго-западной Гренландии. Хотя неизвестно, сколь долго продлится существование этой новой колонии рябинников, тем не менее нет ничего, что явно угрожало бы их дальнейшему пребыванию.

Этот необычный случай переселения европейской птицы через Атлантический океан в Гренландию закончился удачно по ряду благоприятно сложившихся обстоятельств.

Во-первых, дрозды летели стайно. Одиночные залёты, разумеется, не привели бы к переселению. В Исландии живёт особый подвид дрозда-белобровика *Turdus iliacus coburni* Sharpe, 1901. Казалось бы,

из Исландии перелететь в Гренландию ближе, чем из Скандинавии, но белобровики попадали в Гренландию одиночками и вообще не ведут такого стайного образа жизни, как рябинники. Правда, не всегда перелёт стаи ведёт к оседанию на новом месте. Известен случай, когда тысячная стая чибисов *Vanellus vanellus* была занесена бурей из Европы в Нью-Фаундлэнд, однако этот залёт не привел к переселению. Следовательно, одного стайного образа жизни мало.

Во-вторых, рябинники мирятся с зимними условиями пребывания и хотя зимой кочуют, но при наличии корма задерживаются, несмотря на стужу. Замечательно, что переселившиеся в Гренландию дрозды стали оседлыми, найдя условия жизни подходящими. Может быть, часть птиц, залетевших в Гренландию в 1937 году, отправилась к югу дальше в море, но это могло кончиться для них почти верной гибелью. Исключительные условия изоляции выработали у рябинников новую биологическую особенность, благодаря которой гренландская популяция рябинников продолжает существовать.

В-третьих, рябинники нашли очень удобные для их жизни места, сходные с теми, на каких они обитали в Скандинавии. Избегая холодного побережья, они заняли защищённые территории в фиордах, с относительно мягким климатом, при средней температуре июля около +10°C и количестве осадков до 500-800 мм в год, с довольно богатой для субарктики растительностью: зарослями кустарников ивы и даже с участками берёзового леса. Необходимо подчеркнуть, что эти благоприятные условия сложились в результате потепления климата на 5° выше, чем 50 лет назад.

В-четвертых, переселившиеся дрозды не встретили конкурентов. Из мелких воробьиных птиц там обитают только чечетки *Acanthis flammea* и подорожники *Calcarius lapponicus*, занимающие частью другие ниши и легко уступающие натиску энергичного и сильного дрозда. В Исландии рябинники зимой встречаются регулярно, иногда даже большими стаями, но имеют конкурента в лице местного белобровика.

Случай переселения рябинника в Гренландию кажется исключительным, но если рассматривать его на фоне многовековой истории, то его можно считать хотя и редким, но вполне обычными для расселения вида.

В 1950-х годах сенсацию вызвал факт гнездования египетской цапли *Vibulcus ibis*, обнаруженной в Америке. Эта птица, широко распространённая в южной Палеарктике, в Восточной и Эфиопской области, всегда отличалась переменой мест гнездовых в связи с возрастанием численности. После 1920-х годов, например, было установлено заметное увеличение её числа в Южной Африке. В 1948 году она появилась в северной Австралии и встречалась сотнями особей. Правда, в

1933 году 18 особей этого вида (подвид *B. i. coromandus*) были ввезены в Австралию, но они не прижились. По общему признанию, инвазия 1948 года была совершенно естественной, т.е. без вмешательства человека. Воздушный путь от Индонезии до Австралии не так уж длинен. Гораздо удивительнее то, что египетская цапля преодолела водное пространство Атлантического океана, между западным побережьем Африки и восточным Америки. Ещё в 1877-1882 годах она была отмечена на границе Британской и Нидерландской Гвианы, затем несколько особей наблюдалось в 1911-1912 годах.

В конце Первой мировой войны египетских цапель видели в Колумбии. В мае 1937 года в Британской Гвиане впервые был добыт достоверный экземпляр (Wetmore 1963). Только в 1943 году был добыт в Венесуэле второй для Южной Америки экземпляр. С тех пор количество египетских цапель постоянно возрастало. К концу 1946 года в Нидерландской Гвиане они насчитывались сотнями, а в 1953 году общее число их достигло 1112. В 1950-х годах поступали сведения из Боливии (Sprunt 1955). Затем эта птица появилась в Перу: в 1953 году было замечено 4 экз., в 1960 – 2 экз., в 1964 – 52 экз. В 1960-х годах она наблюдалась по обе стороны Анд и у озёр на горном плато, на высоте 3640-3550 м н.у.м. (Frazier 1964).

Особый интерес представляет встреча египетской цапли в ноябре 1961 года между островами Кокос и Клиппертон, в 920 км к западу от Центральной Америки. Птица следовала за кораблём и была добыта (Lint 1962). Этот случай свидетельствует о взятом птицей направлении далее к западу и доказывает лишний раз, что египетская цапля не останавливается перед таким рубежом, как открытый океан.

Первые сообщения о египетской цапле для Северной Америки поступили из Флориды в 1941 или 1942 году. В 1953 году наконец были обнаружены места гнездовий. В 1955 году популяция во Флориде состояла из нескольких тысяч особей, а в 1956 было зарегистрировано свыше тысячи гнёзд. Затем гнездование было установлено для Луизианы, Южной и Северной Каролины. Центром обилия оставалась Флорида, но вдоль атлантического побережья эта цапля была встречена до Виргинии, Нью-Джерси, Нью-Йорка, Массачусетса и штата Мэн. Наконец она проникла в Канаду; гнездо было найдено в Саскачеване.

Нельзя сказать, что расселение египетской цапли происходило помимо влияния человека. В значительной степени её пребывание связано с наличием домашнего скота. Поэтому местами ей оказывалось покровительство.

Большой орнитологической новостью явилось также гнездование краснозобика *Erolia ferruginea* на севере Аляски, у мыса Барроу. Гнездовой ареал этого кулика ограничен тундрой от Таймыра до Большого

Баранова мыса, на северном побережье Чукотского полуострова, причём в восточной части ареала он редок и только на северном Таймыре обычен и характерен для страны. У мыса Барроу были известны два случая залётов в начале лета: 6 июня 1883 и 25 июня 1956. В течение 11 лет, начиная с 1951 года, там велись наблюдения над местной орнитофауной, и краснозобик был замечен только один раз. В 1962 году в окрестностях неожиданно появилась небольшая популяция из 10 или 12 пар. Пять самцов заняли гнездовые участки; затем удалось найти два гнезда с кладками, которые, к сожалению, были разорены поморниками. Тем не менее факт гнездования небольшой популяции у Барроу документально установлен. Он замечателен, так как расстояние до самого восточного, известного до сих пор пункта гнездования составляет 1440 км (Holmes, Pitelka 1964).

Попытка к расселению оказалась неудачной, и неизвестно, осядет ли когда-нибудь краснозобик на Аляске на постоянное жительство. Случай этот интересен как пример того, что маленькая популяция обособилась и пыталась гнездиться в совсем чужой стране. Едва ли гнездование краснозобика в тундре подвержено воздействию человека, но на пролётных путях, простирающихся до Южной Африки, острова Шри-Ланка (Цейлон) и Австралии этот кулик может претерпеть преследование. В частности, оно могло привести к тому, что стая изменила привычное направление.

В Новой Зеландии ещё в прошлом столетии поселилось несколько австралийских видов птиц, преодолевших расстояние над морем до 1000 миль. Подобные примеры можно привести и для других стран.

Случаи резкого изменения ареалов птиц и их границ довольно многочисленны, но они не происходят регулярно или в непрерывной последовательности. Множество ареалов в главных чертах продолжает существовать в таких пределах, какие позволяют руководствоваться ими в зоогеографических выводах. Тем не менее становится очевидным, что не все ареалы, с точки зрения их постоянства, равноценны. Поэтому необходимо всегда помнить, что в фаунистических списках, по которым, например, один зоогеографический округ отличается от другого, приводится разнородный материал по прочности границ распространения перечисляемых видов.

Установленные случаи изменения ареалов птиц позволяют учитывать ту глубину времени, в течение которого они могут происходить. Случай с рябинником или египетской цаплей, возможно, произошёл впервые за всю многовековую историю вида, но важно, что такие существенные изменения контуров ареала являются современными событиями. Они могли быть сто, тысячу лет назад, но вовсе нет оснований в таких предположениях удаляться в глубь геологических эпох. Искать корень вещей в далёком прошлом или, конкретнее говоря, ис-

катель те истоки, откуда сформировалась какая-нибудь местная фауна, — задача очень заманчивая и увлекательная, но с полной надёжностью решать её без палеонтологического материала по птицам, исходя только из фактов их современного распространения, уже нельзя. В исторической части работ по фауне птиц нередко выводы касаются ледникового периода, его длительности, образования горных хребтов или мостов между материками, изменения очертаний материков или их подвижности, поднятий и опусканий суши, и тому подобных геологических факторов, удалённых от нас на многие тысячелетия и даже миллионы лет. При этом упускается из виду, что в течение огромного периода времени, от тех пор и донныне, ареалы птиц могли претерпевать изменения более значительные, чем те, какие зарегистрированы теперь, на протяжении всего лишь десятилетий.

В таких выводах, охватывающих события геологической давности, помимо их чрезмерной гипотетичности, если не сказать фантастичности, есть ещё одно порочное качество. Они уводят исследователя в сторону, отвлекают от объяснения реальных причин нахождения вида птиц в пределах своего ареала. Это очень важная задача, ещё ожидающая своего решения. В большинстве случаев трудно понять, что именно обуславливает границы ареала там, где, казалось бы, ничто не препятствует заселению птицами местности по соседству.

Мы затронули вопросы изменчивости ареалов птиц, на распространение которых не влияет хозяйственная деятельность человека или влияет только косвенно. В огромном большинстве случаев воздействие человека очень велико. В историческое время, начиная с XVII столетия, около 90 видов вымерло или истреблено. Некоторые виды и теперь находятся под угрозой вымирания, другие сократили свои ареалы до крайности. Ввоз ряда видов в чужие для них страны нарушает более или менее естественное распределение фауны птиц.

В связи с обнаруженными изменениями ареалов птиц для зоогеографии возникли новые задачи. Может встать вопрос, не наступил ли даже кризис в классической зоогеографии или, по крайней мере, в орнитогеографии. Несомненно, некоторые трудности и осложнения появились, но в основном зарегистрированные случаи изменений ареалов не поколебали значения гнездового ареала птиц как материала для зоогеографических выводов, и обнаруженные исключения могут быть объяснены методами той же классической зоогеографии. В настоящее время особенно вырисовывается необходимость тщательного детального и глубоко продуманного изучения гнездовых ареалов птиц и не в их статике, а в динамике.

Л и т е р а т у р а

Безбородов В.И. 1968. О расширении ареала зяблика // *Орнитология* 9: 336.

- Дементьев Г.П., Птушенко Е.С. 1940. Расселение и географическое расселение дубровника *Emberiza aureola* Pallas // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд.биол. **49**, 3/4: 115-122.
- Иоганзен Г.Э. 1908. Материалы для орнитофауны степей Томского края // *Изв. Томск. ун-та* **30**: 1-239.
- Промптов А.Н. 1934. Биология дубровника (*Emberiza aureola* Pall.) в связи с вопросом о расселении видов птиц // *Зоол. журн.* **13**, 3: 523-539.
- Русский М. 1897. Краткий фаунистический очерк южной полосы Тобольской губернии. (Отчёт Тобольскому губернатору о зоологических исследованиях, произведённых в 1896 г.) // *Ежегодн. Тобольск. губ. музея* **7**: 37-82.
- Словцов И. 1892. Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губ. // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи* **1**: 187-264.
- Сыроечковский Е.Е., Рогачёва Э.В. 1958. Новые сведения о распространении некоторых птиц в Приенисейской тайге // *Проблемы Севера* **2**: 203-211.
- Хахлов В.А. 1937. Кузнецкая степь и Салаир (Птицы) // *Учён. зап. Перм. пед. ин-та* **1**: 1-243.
- Юдин К.А. (1952) 2003. Наблюдения над распространением и биологией птиц Красноярского края // *Рус. орнитол. журн.* **12** (227): 687-701, (228): 723-733, (229): 759-767.
- Frazier F.P. 1964. New records of Cattle Egrets in Peru // *Auk* **81**, 4.
- Holmes R.T., Pitelka F.A. 1964. Breeding behavior and taxonomic relationships of the Curlew Sandpiper // *Auk* **84**, 3.
- Johansen H. 1944. Die Vogelfauna Westsibiriens // *J. Ornithol.* **92**, 1/2.
- Lint K.C. 1962. Cattle Egret expands range // *Auk* **79**, 3.
- Merikallio E. 1958. *Finnish Birds*. Helsinki.
- Salomonsen F. 1951. The immigrations and breeding of the Fieldfare (*Turdus pilaris* L.) in Greenland // *Proc. 10th Intern. Ornithol. Congr.*
- Sprunt A., Jr. 1955. The spread of the Cattle Egret // *Smithsonian Rep. for 1954*. Washington.
- Stresemann E., Portenko L.A. 1960. *Atlas der Verbreitung Palaearktischen Vögel*. Berlin, **1**.
- Stresemann E., Portenko L.A. 1967. *Atlas der Verbreitung Palaearktischen Vögel*. Berlin, **2**.
- Stresemann E. 1968. Begegnung mit *Emberiza aureola* und *Emberiza pusilla* in Finnmarken (Nord-Norwegen) // *J. Ornithol.* **109**, 4.
- Wetmore A. 1963. An early record of the Cattle Egret in Colombia // *Auk* **80**, 4.

О находках новых видов синиц в южных Кызылкумах (территория экоцентра «Джейран»)

М.Г.Митропольский, Н.В.Солдатова

Госбиоконтроль Госкомприроды Республики Узбекистан, улица Чоштепинская, 21-а, 100149, Ташкент, Узбекистан. E-mail: max_raptors@list.ru; soldatovanata@mail.ru

Поступила в редакцию 15 декабря 2009

Экоцентр «Джейран» находится в 42 км к югу от Бухары. На охраняемой территории представлены солончаковая депрессия, равнинный такыровидный участок, мелкобугристые пески, гора Кайкасач (332 м), в южной части находятся 4 озера различной степени солёности, которые частично питаются артезианской скважиной, а частично – из проходящего поблизости Аму-Бухарского канала. Наряду с природными ландшафтами вокруг полевой базы есть посадки люцерны, кукурузы и овощных культур, чередующиеся с группами фруктовых и декоративных деревьев, среди которых есть и хвойные – сосны и туи. Во время миграций здесь концентрируется много воробьиных птиц. За последние несколько лет здесь встречено несколько новых для района видов, в том числе синиц.

Круглый год довольно обычна бухарская синица *Parus bokharensis*, которая здесь гнездится. Зимой этих синиц становится больше за счёт появления особей из более северных и горных популяций. Кроме того, зимой 2008-2009 годов нами отмечены здесь ещё три вида синиц.

Князёк *Parus cyanus* наблюдался в течение всего дня 14 марта 2008 на фруктовых деревьях в селитебной хозяйственной части Экоцентра. Эта первая встреча вида в Узбекистане. Желтогрудая Лазоревка *Parus flavipectus* отмечена 18 сентября 2008 в древесных насаждениях охранной территории Экоцентра. Это наиболее западная точка осенне-зимних встреч этого вида, достаточно обычного в гнездовое время в горах. Рыжешейная синица *Parus rufonuchalis* наблюдалась 5 января 2009, впервые на равнинной части Узбекистана так далеко от гор. Она держалась в кронах хвойных деревьев (сосна, туя).

Нужно особо отметить, что встречи князька, желтогрудой лазоревки и рыжешейной синицы приходится на период осенне-зимних кочёвок и произошли в антропогенно изменённых аридных ландшафтах.

О зимней авифауне Восточного Памира

Л.С. Степанян

Второе издание. Первая публикация в 1974*

В первой декаде февраля 1966 года автором была предпринята поездка через Восточный Памир по памирскому тракту от Хорога до Оша. Некоторые сведения о зимней авифауне, собранные во время этого маршрута, представляют интерес, поскольку дополняют имеющиеся данные.

Eremophila alpestris. Рогатый жаворонок был обычен в посёлке Мургаб. На участке пути между Мургабом и перевалом Акбайтал отмечался небольшим стайками. Птицы кормились на плато у запорошенных снегом сухих пучков травы. Общая численность зимующих птиц невелика.

Corvus corax. Концентрировался у населённых пунктов. Был обычен в посёлке Мургаб. Птицы держались небольшими группами или парами.

Corvus cornix. 7 февраля 1966 одиночная серая ворона наблюдалась на окраине посёлка Мургаб. В других местах Восточного Памира не отмечена.

Pyrhocorax pyrrhocorax. Клушица была многочисленной в посёлке Мургаб. Птицы держались стаями, кормились на улицах. За пределами посёлка на всём остальном пути в пределах Восточного Памира не отмечена.

Prunella fulvescens. На участке пути между посёлком Мургаб и перевалом Акбайтал бледная завирушка неоднократно наблюдалась на каменистых заснеженных склонах небольшими стайками и одиночками.

Montifringilla alpicola. Был обычен на окраинах посёлка Мургаб. На пути между Мургабом и перевалом Акбайтал встречался во всех поселениях человека и изредка за их пределами на плато.

Carpodacus rubicilla. Большая чечевица была обычной в посёлке Мургаб и на его окраинах. За пределами посёлка не отмечалась.

Наблюдения показывают, что в зимний период большая часть видов птиц тяготеет здесь к населённым пунктам. Это характерно даже для типичных высокогорных форм. Развитие культурного ландшафта в высокогорье, по-видимому, увеличило степень их оседлости здесь. В

* Степанян Л.С. 1974. О зимней авифауне Восточного Памира // *Орнитология* 11: 417.

современных условиях, очевидно, больше птиц остаётся в этих районах на зиму, не предпринимая сезонных вертикальных миграций, свойственных им.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 539: 2363

Залёты серой вороны *Corvus cornix* в Приангарье

Ю.И.Мельников

Второе издание. Первая публикация в 1995*

За более чем 20-летний период изучения фауны птиц Прибайкалья серая ворона *Corvus cornix* встречена нами трижды.

18 мая 1985 одна особь в стае из 6 чёрных ворон *Corvus corone orientalis* отмечена в устье реки Иркут.

4 июня 1986 здесь же встречена серая ворона в группе из 3 чёрных ворон. Судя по поведению, это были не территориальные, а следовательно, и не гнездящиеся особи.

29 мая 1990 зарегистрирована смешанная пара из серой и чёрной ворон у деревни Оек Иркутского района, которая, вероятно, здесь гнездилась. Поскольку места встреч расположены сравнительно недалеко друг от друга в районе постоянных наших наблюдений, не исключено, что мы отмечали одну и ту же особь.

* Мельников Ю.И. 1995. Залёты серой вороны в Приангарье // *Орнитология* 26: 190.